

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ, СТРАХОВОЕ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК: 330.3; 336.7
JEL: Q56, G21, M14, M21

Устойчивый банкинг: концептуализация и практика реализации

А. В. Канаев, О. А. Канаева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Канаев А. В., Канаева О. А. (2019) Устойчивый банкинг: концептуализация и практика реализации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 35. Вып. 3. С. 448–479. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.306>

Статья посвящена активно формирующемуся и при этом малоизученному феномену современной финансовой системы, получившему название «устойчивый банкинг». Актуальность его исследования обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, осознанием возрастающего значения устойчивого (ответственного) финансирования как одного из ключевых драйверов устойчивого развития; во-вторых, отсутствием общепринятой целостной системы взглядов на устойчивый банкинг, содержание релевантных понятий, что свидетельствует о незавершенности процесса его концептуализации; в-третьих, несомненным научным и общественным интересом к изучению современной практики зарубежных банков в области устойчивого развития, что открывает широкие возможности использования их опыта российскими банками. Цель статьи — определить направления устойчивого банкинга, раскрыть содержание его концептуализации и выявить особенности формирования в России. Под концептуализацией устойчивого банкинга авторы понимают процессы теоретического осмысления и обобщения практики банков, декларирующих свою приверженность идеям устойчивого развития, ведущие к формированию научных представлений об изучаемом явлении и образованию системы релевантных понятий. В статье раскрываются сложившиеся в настоящее время подходы к трактовке устойчивого банкинга; показаны важнейшие международные инициативы, направленные на внедрение идей и принципов устойчивого развития в деятельность финансовых институтов, а также практические шаги, предпринимаемые различными финансовыми институтами (банками развития, традиционными банками и так называемыми нетрадиционными банками, получившими название устойчивых банков) в направлении интеграции принципов устойчиво-

го развития в стратегии и операционную деятельность банков. Авторы делают вывод о том, что данная интеграция и развитие сектора устойчивых банков позволяют вести речь о формировании особой бизнес-модели ответственного ведения бизнеса — модели устойчивого банкинга. Отдельный раздел статьи посвящен анализу ситуации в рассматриваемой области и определению направлений и мер по повышению роли банков в обеспечении ответственного финансирования в России.

Ключевые слова: инклюзивный рост, исламские банки, зеленый банкинг, банки развития, ответственное инвестирование, ответственные финансы, проектное финансирование, риск-менеджмент, устойчивое развитие, устойчивый банкинг, устойчивые финансы.

Введение

Второе десятилетие XXI в. отмечено нарастающим интересом бизнес-сообщества, научных и правительственных кругов ведущих мировых держав, стран с развивающимися рынками как к сугубо практическим вопросам, связанным с преодолением негативных последствий финансового кризиса 2008–2009 гг., осмыслением его причин и последствий, так и к поиску решений фундаментальных проблем развития мировой и национальных экономик. Последнее обстоятельство все большее число исследователей и представителей бизнеса связывают с реализацией на практике идей и принципов устойчивого развития (англ. *sustainable development*), которое призвано обеспечить экономическую стабильность, социальное благополучие и экологическое равновесие в долгосрочной перспективе. Устойчивое развитие (УР) рассматривается в качестве ответа на формирующиеся вызовы и риски и новой парадигмы социально-экономического развития как на глобальном и национальном уровне, так и на уровне отдельных сфер, отраслей и организаций. Растет число компаний, декларирующих свою приверженность идеям и принципам УР, ориентирующим свою деятельность на достижение «Целей устойчивого развития ООН 2030» (ЦУР–2030).

Особая роль в переходе к УР отводится финансовым институтам. Активно развивающаяся в настоящее время практика устойчивого (ответственного) финансирования справедливо рассматривается в качестве одного из важнейших драйверов УР и формирования финансовой системы, которая одновременно более устойчива и больше привязана к реальной экономике, «способна обслуживать запросы инклюзивного, экологически устойчивого экономического развития» [UNEP Inquiry Report, 2015, p. xi]. На этом фоне вполне закономерным является рост внимания к изучению бизнес-практик так называемых альтернативных финансовых институтов: социальных, устойчивых, этических, солидарных, ответственных, «зеленых», «основанных на ценностях» и религиозных банков. Отличительными особенностями их деятельности, которые позволяют говорить об их альтернативности традиционным банкам и другим финансовым институтам, являются: полный или частичный запрет на спекулятивные операции; инвестирование в социально и экологически значимые проекты; поддержка местных сообществ и социальных предпринимателей; следование принципам корпоративной социальной ответственности (КСО) во взаимоотношениях с заинтересованными сторонами (персоналом, партнерами, клиентами, местным сообществом). Присущее данным институтам ответственное ведение финансового бизнеса, основанное на интеграции принци-

пов УР в стратегию и операционную деятельность, получило в современной научной и деловой литературе обобщенное наименование — *устойчивый банкинг*, а сами институты именуются *устойчивыми банками*.

В число финансовых институтов, деятельность которых соответствует критериям устойчивого банкинга, также принято включать банки (институты) развития, кредитные кооперативы и союзы, быстро развивающиеся исламские банки и микрофинансовые организации. Нужно отметить, что многие традиционные коммерческие и инвестиционные банки также достаточно активно вовлечены в расширение практики устойчивого банкинга. Впервые крупнейшие международные банки публично заявили о своих обязательствах по повышению экологической ответственности ведения бизнеса еще в 1992 г. в Заявлении банков об окружающей среде и устойчивом развитии ЮНЕП (UNEP Statement by Banks on the Environment and Sustainable Development). В ноябре 2018 г. 26 ведущих банков — членов ЮНЕП из 19 стран 5 континентов мира призвали деловое сообщество пересмотреть свои цели и бизнес-модели, чтобы привести банковский сектор в соответствие с ЦУР–2030 и Парижским климатическим соглашением. Они опубликовали «Принципы ответственного банкинга», призванные стать глобальным ориентиром для устойчивого банкинга.

Последовательная интеграция идей и принципов УР в деятельность традиционных и альтернативных банков позволяет вести речь о формировании новой бизнес-модели — модели УР, внедрение которой ведет к заметному изменению «ландшафта» национальных финансовых систем, определяет направление их дальнейшей трансформации. Следствием этого стал растущий научный и общественный интерес к устойчивому банкингу, изучению современной практики зарубежных банков в области УР, что открывает широкие возможности по использованию их опыта российскими банками [Эффективность экономики..., 2016, с. 94–103]. Последнее приобретает особое значение в связи с необходимостью скорейшего восстановления темпов роста и радикальной структурной перестройки экономики РФ, обеспечения надежного долгосрочного финансирования конкурентоспособного, экологически и социально ответственного бизнеса, доступности финансовых услуг для всех слоев населения.

Необходимо отметить, что процесс теоретического осмысления рассматриваемого феномена, его концептуализации находится на начальных этапах. В настоящее время отсутствует общепринятая целостная система взглядов на содержание устойчивого банкинга, его принципы и механизмы реализации, содержание релевантных понятий. В связи с этим несомненный интерес представляет изучение процесса концептуализации устойчивого банкинга, подходов к его трактовке; международных и национальных инициатив и банковских практик в области УР.

Цель статьи — определить направления устойчивого банкинга, раскрыть содержание его концептуализации и выявить особенности формирования данного феномена в России.

Под концептуализацией устойчивого банкинга авторы понимают процессы теоретического осмысления и обобщения практики банков, декларирующих свою приверженность идеям УР, ведущие к формированию научных (систематизированных) представлений о данном феномене и образованию системы релевантных понятий (концептов). Эти процессы выступают основой создания научной кон-

цепции устойчивого банкинга как целостной системы ключевых понятий, базовых положений и подходов, позволяющих теоретически описать изучаемое явление, сформулировать его принципы и определить механизмы их реализации на практике. Очевидно, что такая концепция может сформироваться на достаточно позднем этапе развития устойчивого банкинга и его научного исследования. Вместе с тем движение в этом направлении является имманентным стимулом для расширения научного горизонта и совершенствования практики. Настоящая статья не является исключением и выполнена в русле данной традиции.

Указанная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих задач: выявить ключевые международные инициативы и практические решения в области устойчивого финансирования; обозначить этапы формирования и развития устойчивого банкинга; раскрыть подходы к трактовке устойчивого банкинга и показать многообразие его субъектов; определить направления устойчивого банкинга, дать характеристику его продуктов и услуг; выделить характерные признаки бизнес-модели устойчивого банкинга и обозначить основные драйверы ее внедрения в финансовую практику; выявить особенности и определить первоочередные меры по формированию устойчивого банкинга в России.

Формирование и развитие феномена устойчивого банкинга

Устойчивое развитие и инициативы бизнес-сообщества в области устойчивых финансов. Появление идей УР связано с публикацией получивших широкий резонанс докладов «Римского клуба» [Meadows et al., 1972; Mesarovic, Pestel, 1974], материалов Конференций ООН по окружающей среде, а также документов Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (1972–2002 гг.). Сформулированные в них базовые положения и выводы стали отправной точкой для развития представлений о содержании и направлениях УР, его ключевых компонентах и выработки подходов к решению практических задач по обеспечению самоподдерживающегося долгосрочного развития мировой экономики и человеческого общества в целом. В значительной степени этому способствовало активное вовлечение бизнеса в процессы внедрения идей и принципов УР в деловую практику, закономерным результатом которого стало формирование представлений об устойчивом развитии корпораций (англ. *corporate sustainable development*), обусловивших в дальнейшем разработку его концепции. Также большую роль сыграла публикация получивших широкую известность работ: 1) «Меняя курс: перспективы глобального бизнеса для развития и окружающей среды» [Schmidheiny, 1992], посвященной концепции эко-эффективности; 2) «Каннибалы с вилок» [Elkington, 1997], автор которой представил концепцию «триединого итога» (англ. *triple bottom line* — TBL).

Согласно этой концепции, результативность вклада компании в развитие общества следует оценивать в трех аспектах ее деятельности: экономическом, социальном и экологическом. Таким образом, речь идет о социо-эколого-экономической устойчивости компаний, которая должна найти отражение в их нефинансовой отчетности. На основе указанных работ в 1990-е гг. начал формироваться так называемый триединый подход к устойчивому развитию, в соответствии с которым оно имеет три основания (англ. *dimensions*): экономическое, экологическое и социальное.

В этот же период наметилась тенденция к инструментализации УР компании, что нашло отражение в создании целого ряда практических рекомендаций и стандартов и фондовых индексов.

Среди них выделим следующие: британский стандарт системы экологического менеджмента организаций BS 7750 (1992) и созданный на его основе международный стандарт ISO 14000; схему управления и аудита в области окружающей среды Европейского союза (1993); Глобальную инициативу по отчетности (Global Reporting Initiative (GRI), 1997); серию стандартов AA 1000 AccountAbility (1999); международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности»; французский стандарт «Руководство SD 21000: Устойчивое развитие — Социальная ответственность корпораций — Руководство по включению вопросов устойчивого развития в стратегию и менеджмент предприятия» (2003); серию британских стандартов устойчивого развития BS 8901:2009, BS 8900-1:2013, BS 8900-2:2013 и BS 8900-1.

Процесс вовлечения финансовых институтов в реализацию идей УР начался в первой половине 1980-х гг. На первом этапе основное внимание было направлено на экологию. Инициаторами в решении экологических проблем стали *международные банки (институты) развития*, деятельность которых была связана с финансированием крупномасштабных инфраструктурных проектов, сопряженных с высокими экологическими рисками.

Так, уже в 1984 г. Всемирный банк (ВБ) выпустил первую инструкцию по экологической политике, а в 1989 г. появилась «Операционная директива по экологической оценке» (“Operational Directive on Environmental Assessment”). В 1990 г. его дочерняя Международная финансовая корпорация (МФК) подготовила нормативный документ «Процедура экологической экспертизы проектов МФК» (“Procedure for Environmental Review of IFC Projects”). Эстафету ВБ подхватил ЕБРР, который в 1992 г. разработал документ «Экологический менеджмент: политика Банка» (“Environmental Management: The Bank’s Policy Approach”, 1992), содержащий характеристику экологических принципов деятельности банка, а в 2014 г. Совет директоров ЕБРР утвердил «Экологическую и социальную политику» (“Environmental and Social Policy”).

Второй этап формирования устойчивого банкинга связан с освоением данными институтами *социальной проблематики*.

В 2006 г. МФК разработала «Политику обеспечения экологической и социальной устойчивости» (“Policy on Social & Environmental Sustainability”), посредством которой претворяются в жизнь обязательства по содействию УР. Неотъемлемой частью данной Политики является комплекс «Экологических и социальных стандартов деятельности» (“Performance Standards on Environmental and Social Sustainability”). Данные стандарты предназначены для клиентов и содержат рекомендации по выявлению экологических и социальных рисков и неблагоприятных воздействий, связанных с финансируемыми корпорацией проектами. Деятельность банков развития удачно дополнялась активностью альтернативных (социальных) банков, рост влияния которых привел к консолидации усилий по пропаганде идей финансирования социально-экономического развития и созданию профессиональных ассоциаций и научно-образовательных структур в сфере устойчивых финансов: Международной ассоциации инвесторов в социальную экономику (The International Association of Investors in the Social Economy — INAISE, 1989); Европейской федерации этических и альтернативных банков и финансистов (Fédération Européenne

ne de Finances et Banques Ethiques et Alternatives — FEBEA, 2001); Института социального банкинга (Institute for Social Banking — ISB, 2006).

Третьим этапом стала более системная работа по учету и оценке экологических и социальных аспектов (рисков и положительных эффектов) деятельности компаний-клиентов при принятии инвестиционных решений, которая была дополнена оценкой качества корпоративного управления. Появилась и стала развиваться практика учета так называемых ESG-факторов (англ. *environmental, social, governance*) в целях минимизации рисков и получения устойчивой долгосрочной отдачи от инвестиций. Впервые эти критерии были зафиксированы в 2004 г. в материалах Глобального договора ООН и уже позднее — закреплены в Принципах ответственных инвестиций ООН (UN Principles for Responsible Investment — UN PRI, 2005). Данные принципы послужили основой для развития феномена *ответственного инвестирования* (англ. *responsible investing*), ставшего важной составляющей устойчивого банкинга применительно к традиционным универсальным и сберегательным банкам. Ответственное инвестирование можно определить как *инвестирование, критериями которого является не только получение дохода инвестором, но и соответствие нормам кодекса надлежащего корпоративного управления, снижение негативного воздействия на природную среду и создание позитивных социальных изменений со стороны компаний-реципиентов*. Важно отметить, что в деятельности ответственных инвесторов наметилась тенденция перехода от негативного скрининга (англ. *screening*), осуществляемого путем исключения из портфелей ценных бумаг компаний, деятельность которых не соответствует принципам УР, к позитивному скринингу — отбору компаний, проводящих активную социальную политику и заботящихся об охране окружающей среды.

В эти годы финансовое бизнес-сообщество выступило с рядом инициатив, направленных на создание ассоциаций и коалиций крупнейших международных банков, страховых компаний, институциональных инвесторов и ведущих бирж. Их целью стало объединение усилий по разработке руководств и стандартов, направленных на практическую реализацию принципов УР, экологической и социальной ответственности бизнеса. Среди инициатив финансовых институтов в области УР следует выделить: Финансовую инициативу Программы ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme Finance Initiative — UNEP FI, 1992); Экологическое объединение банков, сберегательных касс и страховых компаний (Verein für Umweltmanagement in Banken, Sparkassen und Versicherungen — VfU, 1994); Лондонские принципы устойчивых финансов (The London Principles of Sustainable Finance, 2002); Декларацию Коллевоккьо о финансовых организациях и устойчивом развитии (The Collevocchio Declaration on Financial Institutions and Sustainability, 2003); Сеть инвесторов по климатическим рискам (Investor Network on Climate Risk — INCR, 2003); Принципы Экватора (Equator Principles — EP, 2003).

Формирование сектора устойчивых банков. Наряду с крупными международными банками (институтами) развития, все более заметный вклад в УР стали вносить банки и иные финансовые институты, получившие обобщающее название устойчивых банков. К ним относят: социальные, альтернативные, этические, солидарные, ответственные, «зеленые», «основанные на ценностях» и религиозные банки. Данные банки имеют разные организационно-правовые формы и специализацию, но объединены общим стремлением «оказывать положительное влия-

ние на людей и окружающую среду посредством банковских продуктов и услуг» [Weber, Remer, 2011, p.2]. Они специализируются на финансировании таких социально и экологически значимых проектов, как внедрение зеленых технологий, повышение энергоэффективности, строительство социального жилья, улучшение социально-гигиенических условий жизни и медико-санитарной помощи, поддержка инвалидов и т.п., во многих случаях предоставляя кредиты по ставкам ниже среднерыночных [Pure Profit for Russia..., 2010, p.111]. Устойчивые банки финансируют социальных предпринимателей, предприятия сельского хозяйства и производителей биопродукции (зеленые кредиты, экологический лизинг), а также демонстрируют высокую прозрачность своих финансовых операций и социальную ответственность в отношениях с клиентами и собственными сотрудниками.

К наиболее крупным из устойчивых банков относятся: ShoreBank (США, 1973); GLS Bank, (Gemeinschaftsbank für Leihen und Schenken, Германия, 1974); Triodos Bank (Нидерланды, 1980); Freie Gemeinschaftsbank in der Schweiz (Швейцария, 1984); Merkur Bank (Дания, 1985); Wainwright Bank & Trust Co. (США, 1987); Alternative Bank Schweiz (Швейцария, 1990); Cultura Sparebank (Норвегия, 1997); Ekobanken (Швеция, 1998); Banca Popolare Etica (Италия, 1998); Charity Bank (Великобритания, 2002). К этому списку нужно добавить:

- социальные банки, созданные профсоюзами: ASN Bank (Нидерланды, 1960); Caisse d'Économie solidaire Desjardins (Канада, 1971); Unity Trust Bank (Великобритания, 1984);
- банки, специализирующиеся на экологических проектах и программах: Umweltbank (Германия, 1995); New Resource Bank (США, 2006);
- финансовые институты, принадлежащие церкви: протестантской — Reliance Bank Ltd. (ранее — The Salvation Army Bank, 1890); Bank für Kirche und Diakonie eG (Германия, 1925); католической — DKM Darlehnskasse Münster eG (Германия, 1961); дочерняя структура кредитного союза VR Bank Untertaunus eG Bank für Orden und Mission (Германия, 2003); основанный иезуитами Banco Caja Social (Колумбия, 1911) и Bank für Kirche und Caritas (Германия, 1972). Последний получил в августе 2013 г. почетный знак «Устойчивый банк» (“Nachhaltige Bank”).

Несколько особняком стоят финансовые институты, получившие название *исламских банков* (араб. المصرفية الإسلامية), принципиально отрицающих взимание процента и строящих отношения с клиентурой на принципах Шариата, первым из них стал созданный в 1963 г. египетский сберегательный банк (Mit Ghamr Savings Bank). В настоящее время эти банки образуют развитую индустрию социального партнерского финансирования с жесткими этическими ограничениями на операции, обязательными пожертвованиями на благотворительность, запретом спекулятивных операций и взимания процентов, ориентированного на развитие реального сектора экономики и осуществление социальных проектов. Законодательство ряда стран включает их в национальную банковскую систему.

Кроме того, к устойчивым (социальным) финансовым институтам необходимо отнести многочисленные *кредитные союзы и кооперативы*, имеющие глубокие исторические корни и традиции, а также относительно недавно возникшие *микрофинансовые и микрокредитные организации*. Начало их деятельности связано с операциями Grameen Bank (с октября 1983 г.), ставшего в 2006 г. вместе с его основателем Мухаммедом Юнусом (разработал проект микрокредитования в 1976 г.) лауреатом Нобелевской премии мира. Банк был создан для финансирования малообеспеченных слоев населения в сельских районах Бангладеш.

Концептуализация устойчивого банкинга. Появление большого числа устойчивых банков и расширение их деятельности в области УР свидетельствовало о формировании феномена устойчивого банкинга, что потребовало его теоретического осмысления, «запустило» процесс концептуализации. Следует отметить, что в 1990–2000 гг. данный процесс осуществлялся в рамках активно развивавшихся концепций, ассоциируемых с проблематикой корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития, общей методологической основой которых послужил триединый подход, в соответствии с которым УР имеет три основания (измерения, компонента): экономическое, экологическое и социальное. Концептуализация рассматриваемого феномена осуществляется по трем направлениям: 1) осмысление и обобщение практики традиционных и альтернативных банков, декларирующих свою приверженность идеям УР (в рамках существующих представлений, теорий и концепций УР); 2) выработка системы релевантных понятий (концептов); 3) переход от эмпирического обобщения к объяснению процессов развития устойчивого банкинга и разработке релевантной концепции (целостному знанию). Реализация первых двух направлений позволяет дать общую характеристику устойчивого банкинга, выделить его субъекты и определить основные направления и продукты. Концепция же в своей развитой форме служит основой для более глубокого исследования данного явления и позволяет приступить к целенаправленной и последовательной организации ответственной банковской практики на принципах УР.

Впервые термин «устойчивый банкинг» был использован в 1996 г. в докладе ВБ «Устойчивый банкинг для бедных: всемирная инвентаризация микрофинансовых институтов» применительно к деятельности институтов микрофинансирования в развивающихся странах [Sustainable Banking with the Poor..., 1996]. Хотя формального определения устойчивого банкинга в докладе не содержится, общий замысел авторов вполне ясен — создание экономически устойчивых микрофинансовых институтов, предоставляющих финансовые услуги для решения острых социально-экономических задач. Акцентирование внимания на решении проблем, связанных с масштабной бедностью населения в развивающихся странах, привело к тому, что часто в публикациях термины «устойчивый банкинг» и «социальный банкинг» стали использовать как синонимы. В определенной мере этому способствовало отсутствие теоретических разработок в области УР применительно к финансовым институтам.

Этот пробел, впрочем, был ликвидирован уже в 2001 г., когда исследователи предложили формальное определение устойчивого банкинга «как решение банка предоставлять продукты и услуги только тем клиентам, которые принимают во внимание экологическое и социальное влияние, оказываемое их деятельностью» [Sustainable Banking..., 2001, p. 101]. При этом они подчеркивали, что данный термин является динамическим, «его содержание изменяется с течением времени, поскольку отношения банков с их заинтересованными сторонами делают данное понятие применимым также к иным, нежели банки, акторам» [Sustainable Banking..., 2001, p. 14]. Действительно, перечень институтов, которые авторы классифицируют как устойчивые банки, является достаточно широким и включает: банки развития; многочисленные депозитные институты (коммерческие и сберегательные банки); кредитные кооперативы и союзы.

Чуть позже появилось более точное формальное определение устойчивого банкинга. По мнению М.Джеукена, устойчивый банкинг представляет собой принцип деятельности (англ. *modus operandi*) банка, при котором его внутренняя деятельность отвечает требованиям устойчивого бизнеса, а внешняя (например, кредитование и инвестиции) сосредоточена на стимулировании устойчивости среди клиентов и других членов общества [Jeucken, 2001, p.71; 2004, p.134]. Важной особенностью данной трактовки является ее дуальный характер. В ней впервые внешняя деятельность устойчивого банковского бизнеса, связанная с обслуживанием ответственных клиентов, дополнена внутренней — экономией ресурсов в собственной операционной деятельности (потребление бумаги, энергии и воды; командировочные, транспортные расходы).

Наметившемуся концептуальному прогрессу в исследовании устойчивого банкинга во многом способствовала публикация в 2007 г. МФК специального обзора лучших практик в области финансирования УР «Банки устойчивости» (“Banking on Sustainability...”). Его авторы дополнили дуальную характеристику М.Джеукена рискованным компонентом, отражающим специфику деятельности банков как финансовых посредников. Так, в обзоре понимание устойчивости применительно к финансовым институтам было дополнено таким компонентом, как «управление социальными и экологическими рисками при принятии стратегических решений и кредитовании — финансовые институты могут концентрировать свои ресурсы на финансировании компаний и проектов с высокой экологической, социальной и финансовой эффективностью, что позволит им повысить собственную финансовую стабильность и защитить репутацию» [Banking on Sustainability..., 2007, p.8]. Тем самым подход, лежащий в основе «Принципов ответственного инвестирования», был эффективно использован при определении специфики устойчивого банкинга как особого финансового феномена.

Указанные публикации внесли существенный вклад в концептуализацию устойчивого банкинга и формирование научных представлений о его содержании, что, в свою очередь, позволило:

- 1) дать расширенную трактовку его субъектов — категория устойчивых банков включает широкий круг финансовых институтов от относительно небольших «нишевых» альтернативных банков до мощных банков развития и крупнейших финансовых конгломератов (банковско-страховых групп). В настоящий момент такая расширительная трактовка доминирует в публикациях, что, на наш взгляд, вполне обосновано, поскольку термин «банкинг» юридически и практически обозначает достаточно широкий спектр финансовой деятельности, которая исторически и практически осуществлялась не только банками;
- 2) расширить терминологическое поле — за счет освоения более общей проблематики устойчивых финансов и ответственного инвестирования и связанных с ними понятий и терминов, касающихся: управления экологическими и социальными рисками, качества корпоративного управления, инновационных финансовых инструментов и т. п. (для универсальных банков данное расширение стало адекватным средством описания специфики их модели ответственного ведения бизнеса);

- 3) определить его направления — можно говорить об *экологическом, социальном и ответственно-инвестиционном направлениях* и соответствующих этапах генезиса и становления устойчивого банкинга. Его базовыми продуктами и услугами являются: проектное финансирование; социально-экологическое финансирование (кредитование и инвестирование); микрофинансирование; взаимное кредитование и долевое финансирование; финансирование малого и среднего предпринимательства (МСП), доступные услуги для широких слоев населения; обслуживание эмиссии и обращения зеленых, социальных и экологических облигаций; зеленый лизинг и т. п.;
- 4) дать характеристику устойчивого банкинга — в общем виде его можно представить как соответствующую принципам УР, основанную на учете экологических, социальных и управленческих рисков деятельность по финансированию ответственного бизнеса клиентов, направленную на повышение его эффективности, экономическое развитие национальной и местной экономик, создание позитивных социальных изменений и снижение негативного воздействия на природную среду.

Следует отметить, что концептуализация устойчивого банкинга зафиксировала специфику данного финансового феномена. Действительно, как было показано, устойчивым банкам присущ дуальный подход, отражающий посредническую природу банков применительно к УР. В соответствии с ним банки стремятся посредством своих продуктов и услуг оказывать положительное влияние на людей и окружающую среду и одновременно снижать негативное воздействие от деятельности по линии финансирования клиентуры и собственного потребления ресурсов. Центральное место в этих усилиях занимает эффективная система риск-менеджмента, позволяющая банкам: 1) проводить мониторинг реализуемых проектов (кредитов); 2) осуществлять скрининг (негативный и позитивный) новых проектов (кредитов); 3) включать ESG-критерии в специально разрабатываемые продукты для перспективных областей кредитования (инвестирования), например для зеленого домостроения и ипотеки.

Посткризисное развитие устойчивого банкинга

Инициативы центральных банков и финансовых объединений. После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. значительно возросла активность центральных банков развивающихся стран, ставших в этот период определенными «локомотивами» мирового финансового сообщества в области УР. Действительно, в сентябре 2012 г. представителями центральных банков, финансовых регуляторов и национальных банковских ассоциаций ряда развивающихся стран была создана Сеть устойчивого банкинга (Sustainable Banking Network — SBN). Ее цель — поддержка национальных банковских регуляторов в разработке нормативных документов (политик, руководящих принципов и руководств) в области управления экологическими и социальными рисками, зеленого и инклюзивного кредитования, которые призваны стимулировать банки стран-участников к использованию практик устойчивого банкинга. В одних странах внедрение этих регулятивных документов является обязательным, в других — добровольным.

Так, в Бангладеш, Бразилии, Вьетнаме, Индонезии, Китае, Марокко, Нигерии, Пакистане и Перу центральные банки и банковские регуляторы взяли на себя инициативу по разработке принципов устойчивого развития и сделали их реализацию обязательными для банков и финансовых институтов. Первые добровольные нормативные документы появились в 2014 г. в Турции («Руководящие принципы устойчивого развития для банковского сектора»), Монголии («Монгольские принципы устойчивого финансирования») и Южной Африке («Принципы управления экологическими и социальными рисками»). В 2015 г. Ассоциация банков Сингапура выпустила «Руководство по ответственному финансированию».

Материалы и решения саммитов G-20 последних лет, касающиеся достижения устойчивого и инклюзивного роста, создания устойчивой международной финансовой системы, а также активные усилия центральных банков существенно изменили интеллектуальный «климат» в политических кругах и финансовом сообществе. В декабре 2014 г. в рамках UNEP был создан проект «Исследование по разработке устойчивой финансовой системы» (“Inquiry into of a Sustainable Financial System”) для освещения политических мер, принимаемых в развитых и развивающихся странах для повышения эффективности финансовой системы с точки зрения мобилизации капитала для обеспечения УР. В декабре 2016 г. Европейская комиссия создала «Экспертную группу высокого уровня по устойчивому финансированию» (“High-Level Expert Group on Sustainable Finance”) для проведения консультаций и исследований по разработке комплексной стратегии ЕС по устойчивому финансированию. В январе 2018 г. экспертная группа опубликовала заключительный отчет, в котором подчеркивается, что «Европа находится в авангарде устойчивого финансирования и у нее есть уникальная возможность построить самую устойчивую финансовую систему в мире» [Financing A European Economy..., 2018, p. 10–11]. В марте того же года был принят «План действий по финансированию устойчивого роста» [Action Plan..., 2018].

В посткризисный период проблематика устойчивых финансов заняла важное место в деятельности объединений финансовых институтов: Международной ассоциации Глобальный альянс за банковскую деятельность, основанной на ценностях (Global Alliance for Banking on Values — GABV, 2009); ассоциации Устойчивые фондовые биржи (Sustainable Stock Exchanges, 2012); ассоциации Швейцарские устойчивые финансы (Swiss Sustainable Finance, 2014).

Практика устойчивых банков. Появлению указанных инициатив в значительной степени способствовали успехи устойчивых банков в кризисные годы и посткризисный период. В целом они не только сохранили, но и упрочили свои рыночные позиции в финансовой системе даже развитых стран, что нашло отражение в докладах GABV. Среди них особо следует выделить публикацию 2012 г., содержащую сравнительный анализ финансовых показателей 22 банков — членов альянса и группы из 29 международных системно-значимых банков (МСЗБ) за 2007–2011 гг. Он показал, что устойчивые банки, по сравнению с их конкурентами из числа МСЗБ, имели в эти годы более высокие финансовые показатели. Согласно обновленной версии доклада (2017 г.), в последующие годы данный разрыв в темпах роста сохранился. Так, рост прибыли за 2012–2016 гг. у членов альянса и МСЗБ составил 6,7 и 1,0 %, а капитала — 10,6 против 5,1 % соответственно [Real Economy..., 2017, p. 9].

В посткризисные годы существенный рост экономических показателей и расширение клиентуры отмечались и в группе других устойчивых банков. Действительно, значительно возросла популярность кредитных кооперативов и союзов, о чем можно судить по росту числа пайщиков организаций, входящих в систему Всемирного совета кредитных союзов (World Council of Credit Unions, WOC-CU): к 2017 г. это число достигло 235,8 млн человек (рост на 28 % по сравнению с 2009 г.). При этом активы союзов росли даже быстрее — на 30 % (достигли 1,764 трлн долл.) [World Council of Credit Unions..., 2017]. Мировой объем исламского финансирования к концу 2016 г. составил внушительную сумму в 2,1 трлн долл. [Islamic Finance Outlook..., 2016, p. 8]. К 2017 г. число клиентов микрофинансовых институтов в мире возросло до 132 млн человек, а их кредитный портфель увеличился до 102 млрд долл. (рост по сравнению с 2014 г. на 18,2 и 17,1 % соответственно) [Microfinance Barometer, 2017, p. 10]. Во многом это объясняется сознательным отказом институтов от высокорисковых финансовых спекуляций и операций с дивидендами, а также привлекательностью бизнес-модели устойчивого банкинга для клиентов и местных сообществ, поскольку она связана с реальной экономикой и нуждами местных сообществ, опирается на морально-этические принципы и нормы и имеет глубокие исторические корни в европейской и исламской цивилизациях.

Наглядным свидетельством «укорененности» устойчивого банкинга в старейшей европейской банковской системе стало внесение 11 декабря 2016 г. в «Закон о банковской деятельности» Италии статьи, касающейся принципов деятельности особых банков — *банковских операторов этических и устойчивых финансов* (итал. *operatori bancari di finanza etica e sostenibile*). Таким образом, Италия стала первой страной, изменившей банковское законодательство в интересах создания правового поля для развивающегося сегмента устойчивого банкинга.

Следует отметить, что в последние годы успехи многих институтов (банков) развития и традиционных банков в области УР были значительны. Об этом наглядно свидетельствует материал, содержащийся в «Руководстве по устойчивому развитию банковской отрасли ЮНЕП» (“UNEP FI Guide to Banking & Sustainability”, 2011 г.). В этом документе дано описание деятельности лидеров устойчивого банкинга по всем уровням управления и функциональным направлениям деятельности: от топ-менеджмента, подразделений обслуживания розничных и корпоративных клиентов, риск-менеджмента и до управления персоналом и содержания офисов. Второе издание данного руководства (октябрь 2016 г.) выявило значительный прогресс в этой области и продемонстрировало на конкретных примерах, что практика устойчивого банкинга во многих стран перестала быть экзотикой и все больше привлекает внимание собственников и менеджеров банков [The Guide to Banking..., 2016].

В последние годы крупнейшие банки предпринимают успешные попытки зафиксировать лидерство в новой для них области деятельности по продвижению принципов УР. Так, в сентябре 2017 г. американский финансовый конгломерат JPMorgan Chase был назван лидером третьего ежегодного рейтинга компаний Change the World журнала Fortune, возглавив список из 56 компаний по всему миру, которые оказали положительное социальное или экологическое влияние на общество и экономику в рамках своей основной бизнес-стратегии. Главным достижением компании стал проект Invest Detroit по экономическому

возрождению бывшей автомобильной столицы США, на цели которого к 2019 г. планировалось инвестировать 150 млн долл. [Change the World list..., 2017].

В 2017 г. в ежегодном рейтинге, публикуемом компанией Corporate Knights Inc., среди топ-100 самых устойчивых из числа 6 тыс. крупнейших мировых компаний 4–6-е места заняли соответственно датский Danske Bank A/S, голландская ING Group и австралийский Commonwealth Bank of Australia [Global 100..., 2017]. В том же году журнал Euromoney признал Citi Group лучшей компанией в области финансовой доступности. В последние годы Citi позиционирует себя как «банк для банков для бедных», финансируя микрофинансовые организации и обеспечивая доступ их клиентов к своим цифровым платежным системам в развивающихся странах.

Бизнес-модель устойчивого банкинга

Реконцептуализация устойчивого банкинга. Активная деятельность устойчивых и традиционных банков, международных ассоциаций и платформ, а также значительные усилия правительств и центральных банков по реформированию национальных финансовых систем активизировали процесс реконцептуализации устойчивого банкинга. Он идет по двум направлениям. *Первое направление* — расширение терминологического поля, появление многочисленных трактовок понятий «устойчивые», «социально-экологические», «зеленые» и «климатические» финансы (инвестиции). Часто они рассматриваются как синонимы, но, согласно наиболее точной трактовке, «устойчивые финансы» выступают в качестве зонтичного (более широкого) концепта, который охватывает указанные выше понятия [Roadmap for..., 2017, p. 85]. Это вполне резонно, поскольку в круг деятельности банков, помимо банковских кредитных и сберегательных продуктов, входят инструменты проектного и торгового финансирования, большая группа инвестиционных, лизинговых и факторинговых услуг. В практическом плане это означает, что «устойчивые финансы относятся к любой форме финансовых услуг, интегрирующей экологические, социальные и управленческие критерии в деловые или инвестиционные решения для долгосрочной выгоды как клиентов, так и общества в целом... Деятельность, которая подпадает под категорию устойчивых финансов... включает устойчивые инвестиционные фонды, зеленые облигации, импакт-инвестирование, микрофинансы, кредиты для устойчивых проектов и развитие всей финансовой системы более устойчивым образом» [Swiss Sustainable Finance..., 2019].

Последнее положение, как представляется, свидетельствует о возникновении *второго важного направления* концептуализации устойчивого банкинга, которое условно можно назвать структурным обогащением терминологической базы. Так, в отличие от указанного выше «зонтичного» подхода, европейские эксперты предложили «уровневый» подход, основанный на использовании трех взаимосвязанных определений, согласно которым устойчивые финансы: 1) предполагают интеграцию экологических, социальных и управленческих факторов в финансовые решения (узкая дефиниция); 2) содействуют устойчивому экономическому, социальному и экологическому развитию; 3) представляют собой финансовую систему, которая является стабильной и решает долгосрочные образовательные, экономические, социальные и экологические проблемы, включая устойчивую занятость, пенсионное финансирование, технологические инновации, строительство инфра-

структуры и смягчение последствий изменения климата (наиболее широкая дефиниция) [Financing A European Economy, 2017, p. 12]

Данные попытки реконцептуализации отражают существенное расширение практики в области устойчивого банкинга и закономерное перемещение сферы теоретических поисков на макроуровень, обусловленные возросшим вниманием к формированию устойчивых финансовых систем как необходимого условия перехода к решению крупномасштабных целей ЦУР–2030. Вместе с тем предложенный подход не привел к терминологическому «поглощению» устойчивого банкинга. Наоборот, теоретический интерес к этому феномену даже возрос в силу того, что банковский сектор во многих странах играет ведущую роль в национальной финансовой системе, а развитие устойчивых банков не только способствует его диверсификации и стабильности, но и выступает в качестве ведущего направления его трансформации.

В этой связи заслуживает внимания определение устойчивого банкинга, представленного в публикациях Sustainable Banking Network. Авторы используют термины устойчивых финансов и банкинга как синонимы и подчеркивают, что их определение может различаться в разных странах. Вместе с тем члены сети включают в формулировку устойчивого банкинга три компонента, или измерения (англ. *dimensions*): 1) учет ESG-критериев при принятии решений об инвестициях и кредитовании; 2) кредиты и инвестиции в зеленые отрасли и проекты для достижения положительного воздействия; 3) инициативы в области КСО, в том числе управление воздействием банка на социальную и экологическую среду [Sustainable Banking Network..., 2018, p. 2].

Данное определение фиксирует появление *зеленого направления* в деятельности устойчивых банков и переход к этапу «зеленой» проблематики, которая не только включает все ранее проработанные вопросы УР, но и на новом технологическом витке акцентирует внимание на проблемах зеленой экономики. Полномасштабным началом ее освоения финансовыми институтами послужило создание в 2016 г. под председательством Китая в G-20 «Исследовательской группы по зеленым финансам» (“Green Finance Study Group” — GFSG) для изучения путей повышения способности финансовой системы мобилизовать частный капитал для зеленых инвестиций (в 2018 г. GFSG была заменена «Исследовательской группой по устойчивому финансированию» (“Sustainable Finance Study Group” — SFSG), имеющей более широкий мандат).

К указанным компонентам следует добавить еще один — интеграцию принципов УР в миссию и видение банка, его стратегическое управление в целом (см. например, Декларацию Коллевоккьо [The Collovecion Declaration, 2003, p. 2]). Последнее не только превращает устойчивость в неотъемлемую часть бизнеса, но и является инструментом достижения им устойчивого конкурентного преимущества (англ. *sustainable competitive advantage*).

Устойчивый бандинг как особая бизнес-модель. Важным результатом концептуализации устойчивого банкинга является формирование представлений о нем как об особой модели ответственного ведения бизнеса финансово устойчивыми банками и финансовыми институтами по предоставлению услуг для решения финансовых задач УР. Продукты и услуги устойчивого банкинга могут предоставляться традиционными универсальными банками и сберегательными институтами,

приверженными принципам УР. Однако в большей мере они входят в сферу деятельности именно устойчивых банков, имеющих соответствующую целевую установку — поддержку реальной экономики, развитие местных сообществ и потенциала их членов, финансирование проектов, оказывающих прямое положительное влияние на экологию и общество, в том числе зеленое, климатическое финансирование и «импакт»-инвестирование. Большинство устойчивых банков и микрофинансовых организаций ориентировано на работу с малыми и микропредприятиями, социальными предпринимателями, расширяет финансовую доступность услуг для населения, ранее не охваченного банковским обслуживанием.

Указанные финансовые институты различаются организационно-правовыми формами, характером управления, операционными бизнес-моделями, каналами и географией обслуживания, но в целом они имеют ряд особенностей, которые позволяют описывать сходство их деятельности в терминах особой управленческой бизнес-модели, ориентированной на УР (англ. *sustainability-focused model*). Отметим, что по сути бизнес-модель является концептуальной моделью (англ. *conceptual model of a business*), которая описывает «архитектуру» бизнеса [Теее, 2010, р. 173; Канаев et al., 2018]. Такая трактовка позволяет выделить следующие характерные черты (признаки) бизнес-модели устойчивого банкинга: 1) основана на реализации принципов УР как организующего и регулирующего начала деятельности банков, определяющего направленность и характер всех внутренних процессов — от стратегических решений и корпоративного управления до мер по экономии ресурсов (зеленый офис); 2) включает комбинацию комплексного риск-менеджмента, основанного на учете ESG-факторов, и инновационных финансовых продуктов для экологических и социальных проектов и предприятий; 3) обладает высокой финансовой устойчивостью; 4) предоставляет широкий диапазон услуг в области УР — от проектного финансирования на принципах Экватора и ответственных инвестиций до микрофинансирования (крупные банки могут также финансировать микрофинансовые организации), зеленых услуг и кредитов социальным предпринимателям; 5) предполагает ведение ресурсо-экономной операционной деятельности и осуществление мер внутренней социальной политики; 6) имеет очевидную социальную направленность и несет ответственность перед своими стейкхолдерами (в том числе и перед местными сообществами); 7) выступает структурообразующим элементом формирующейся устойчивой финансовой системы.

Список проблем, решению которых способствуют устойчивые банки, достаточно обширен: *экологические* (связаны с качеством и функционированием природной среды и природных систем); *социальные* (касаются прав, благосостояния и интересов людей и сообществ), *экономические* (обусловлены воздействием инвестируемых проектов на экономические условия на местном, национальном и глобальном уровнях), а также *проблемы корпоративного управления* (касаются эффективности руководства акционерами компаниями — получателями инвестиций). К этому списку следует добавить *финансовые проблемы*, связанные с обеспечением доступности и защиты прав потребителей услуг для широких слоев населения, микро- и малых предприятий, а также повышение цифровой и финансовой грамотности населения.

Подчеркнем, что данные проблемы являются одновременно источником рисков при финансировании клиентов банков и рыночных возможностей, связанных

с разработкой новых продуктов. Банки напрямую не подвержены экологическим и социальным рискам. Вместе с тем через своих клиентов (получателей кредитов и инвестиций) они сталкиваются с существенными *финансовыми, репутационными и правовыми рисками*. Наиболее чувствительна бизнес-модель банков к репутационному риску — риску возникновения у банка убытков в результате уменьшения числа клиентов (контрагентов) вследствие формирования в обществе негативного представления о его финансовой устойчивости, качестве оказываемых им услуг или характере деятельности в целом.

Обозначенные характерные признаки бизнес-модели устойчивого банкинга, а также проблемы, решению которых может содействовать ее реализация, на наш взгляд, позволяют осуществить попытку дефиниции устойчивого банкинга. Не претендуя на законченность и учитывая развивающийся характер данного феномена, а также разнообразие его операционных бизнес-моделей, в общем виде его можно определить как *клиентоориентированный, экологически и социально ответственный, финансово устойчивый бизнес, осуществляемый в рамках особой управленческой модели традиционными и альтернативными банками и финансовыми институтами различных организационно-правовых форм и управленческих традиций, взаимодействующими на долгосрочной основе с широкой группой стейкхолдеров в интересах устойчивого развития экономики и общества в целом*.

Драйверы развития устойчивого банкинга

Необходимость активизации драйверов УР. Описанные выше политические меры и банковские инициативы пока еще не способны существенно перестроить мировую финансовую систему и подчинить ее целям УР. Так, в докладе «Необходимая финансовая система» (2016 г.) отмечалось, что многие страны даже близко не подошли к реализации цели по финансированию проектов снижения выбросов парниковых газов и т.п.: «В странах, ставших объектом исследования, только 5–10 % банковских кредитов являются зелеными, а выпущенные зеленые облигации не превышают 1 % от общего объема облигаций» [UNEP Inquiry Report..., 2016, p. 12]. Авторы «Отчета о прогрессе в области зеленого финансирования» за 2017 г. утверждают, что «в настоящее время отсутствует систематическая методология оценки прогресса в области “озеленения” финансовой системы, и число инициатив в этой области относительно невелико» [Green Finance Progress Report..., 2017, p. 25].

В докладе европейской «Экспертной группы высокого уровня по устойчивому финансированию» (2018 г.) констатируется наличие существенного разрыва между успешными, но все еще фрагментарными усилиями в области устойчивого финансирования и масштабными экологическими и социальными угрозами, а также подчеркивается необходимость привлечения значительных объемов долгосрочных инвестиций (по оценкам специалистов, реализация обязательств стран ЕС по сокращению на 40 % выбросов углекислого газа к 2030 г. потребует 180 млрд евро дополнительных ежегодных инвестиций в такие сектора экономики, как реконструкция и строительство энергоэффективных зданий, возобновляемые источники энергии и низкоуглеродный транспорт). Поэтому переход стран ЕС к модели УР и превращение устойчивого финансирования в норму по всему Союзу «займет

годы, если не десятилетия» [Financing a European Economy..., 2018, p.2]. В данном контексте центральным вопросом становится выявление движущих факторов (драйверов) устойчивого финансирования и выработка мер по их активизации.

Теоретические исследования драйверов УР восходят к работам сторонников институциональной теории и теории стейкхолдеров. В рамках первой исследовались драйверы организационных изменений применительно к УР и было установлено, что движущими факторами, которые наиболее вероятно влияют на природоохранную практику на уровне предприятия, являются принудительное давление со стороны официальных надзорных служб, нормативное — исходящее от промышленных ассоциаций и общественности, а также подражательное (миметическое) — со стороны конкурентов того же сектора экономики [Liu et al., 2010]. Весьма продуктивным является разработанный в рамках стейкхолдерской теории подход, использование которого позволяет выявить характер влияния отдельных групп стейкхолдеров организации на реализацию ею принципов УР. Так, было показано, что внутренние стейкхолдеры, к которым относятся менеджеры всех уровней и сотрудники, «подталкивают» (англ. *push*) свои организации к ответственному ведению бизнеса, тогда как внешние стейкхолдеры (правительственные органы, НПО, потребители, поставщики, инвесторы, кредиторы, промышленные ассоциации, конкуренты) скорее «тянут» (англ. *pull*) их в этом направлении [Liu et al., 2010; Lu, Abeyssekera, 2014].

Обе теоретические школы дают достаточно точную характеристику внешних и внутренних драйверов, определяющих политику и стратегию организации в области УР и ответственного ведения бизнеса, интенсивность и направленность проводимых изменений в деятельности и управлении. Применительно к устойчивому банкингу эти драйверы: а) формируют регулятивные рамки (требования); б) способствуют раскрытию инициативного (инновационного) начала бизнеса; в) обеспечивают рыночное воздействие (давление) на конкурентов. Они включают предметные и субъектные факторы влияния на собственников, менеджмент и работников банка. Применительно к устойчивому финансированию совокупность драйверов, согласно исследованию деятельности китайских банков по расширению зеленого финансирования, проведенному экспертами PricewaterhouseCoopers (Китай), включает:

- *национальные политики и инициативы в области регулирования* — национальные индустриальная и финансовая политики, наряду с банковскими нормативами, определяют профиль кредитных портфелей банков и социально-экологическую направленность их риск-менеджмента, стимулируют банки к зеленому финансированию для реализации политики энергоэффективности и декарбонизации промышленности;
- *рыночное лидерство и внедрение новых продуктов* — ведущие китайские банки рассматривают зеленые финансы как потенциальную область для прибыльного роста в долгосрочной перспективе и возможность расширить спектр услуг с целью достижения конкурентного преимущества;
- *давление стейкхолдеров* — местные банки подвержены серьезному влиянию внешних заинтересованных сторон с целью расширения ответственных инвестиций; неспособность эффективно управлять социальными и экологиче-

скими рисками может вызвать критику неправительственных организаций [Exploring Green Finance..., 2013, p. 22–23].

К этому списку можно добавить внутренние регулятивы, называемые также драйверами микроуровня, создающими давление со стороны внутренней среды банка. Они включают заявленное руководством видение и миссию банка определяющими его стратегическую ориентацию в долгосрочной перспективе [Tan, Chew, Namid, 2017, p. 240; 253]. Важным стимулом является также возможность: а) снижения издержек и потерь, связанных с эффективным управлением финансовым, правовым и репутационным рисками при финансировании клиентов и их проектов; б) роста доходов за счет расширения клиентской базы, связанного с внедрением новых (зеленых) продуктов, укреплением репутации и бренда банка. В целом можно констатировать, что драйверы — это *движущие силы (факторы), охватывающие деятельность широкого круга лиц, большой спектр формальных нормативных требований, а также финансовых стимулов и механизмов, оказывающих влияние на ответственное ведение банковского бизнеса на принципах УР.*

Барьеры интеграции принципов УР. Необходимо отметить, что эксперты достаточно далеко продвинулись в исследовании драйверов УР в целом и устойчивого банкинга в частности. Однако остаются такие важные практические вопросы, как выявление ограничений (барьеров), препятствующих интеграции принципов УР в деятельность финансовых организаций. В данной статье рассмотрены лишь два класса таких барьеров, в разных комбинациях влияющих на *предложение* устойчивых финансов и *спрос* на них.

К барьерам объективного характера следует отнести:

- высокую капиталоемкость и длительные периоды окупаемости, характерные для зеленых технологий; зеленые инвестиционные проекты не всегда имеют превосходство над традиционными по производительности и эффективности и менее предсказуемы с позиций рыночного спроса (здесь возможны риски, типичные для инноваций);
- инерционный характер технологического развития, опирающегося на системы стандартизации и прочные технологические связи;
- нехватку собственных финансовых ресурсов и длинных заемных средств; механизм эмиссии зеленых облигаций не отлажен ввиду отсутствия систем оценки качества проектов и трудностей измерения зеленого эффекта; к этому следует добавить трудности выработки критериев уровня «озеленения» проектов;
- высокую стоимость кредитных ресурсов для инвесторов и отсутствие доступного источника длинных заемных средств для национальных финансовых институтов, характерных для развивающихся.

Барьеры субъективного характера включают:

- неготовность собственников и менеджмента крупнейших компаний и банков сменить привычную модель финансового планирования, подчиненную цели максимизации прибыли и ориентированную на внедрение традиционных технологий, особенно в условиях спада и неопределенности рыночных

перспектив; многие банки продолжают вести высокорисковые спекулятивные операции и доходный традиционный инвестиционный банкинг;

- недостаточные масштабы политической поддержки зеленых отраслей и процессов, обеспечивающих «озеленение» экономики;
- отсутствие достаточной компетенции для экспертизы экологических и социальных проектов в банках (за исключением банков развития), особенно применительно к инновационным проектам энергоэффективности и ресурсосбережения.

О серьезности влияния данных негативных явлений свидетельствует тот факт, что, согласно выводам «Доклада о глобальных рисках 2019» Всемирного экономического форума, на второе место из пяти наиболее значимых глобальных рисков попал «риск провала государства и частного бизнеса в области принятия мер по смягчению рисков климатических изменений и адаптации к их последствиям» [The Global Risks Report..., 2019]. Особенно важно учитывать данные обстоятельства регуляторам и банковскому сообществу РФ, поскольку здесь все еще доминируют проблемы, связанные с первичным запуском устойчивого банкинга.

Формирование основ устойчивого банкинга в Российской Федерации

В России развитие устойчивого банкинга в целом идет в русле общемировых тенденций, происходит постепенная интеграция принципов УР в стратегии и операционную деятельность банков развития и традиционных банков. Вместе с тем формирование сектора так называемых устойчивых (альтернативных) банков осуществляется неоправданно медленно, затянулся старт исламских финансовых институтов.

Государственные банки (институты) развития. В последние годы в России начала формироваться достаточно эффективная система финансовой поддержки населения, МСП в городе и на селе. Ведущую роль в этом процессе играют государственные банки и институты развития: «Россельхозбанк» (2000 г.), «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» («Корпорация МСП», 2015 г.) и ее дочерний «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» («МСП Банк», ранее в 1999–2016 гг. — «Российский банк развития»).

Однако реальным лидером устойчивых финансов является Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк — ВЭБ). В 2011 г. он первым из российских финансовых институтов присоединился к Глобальному договору ООН, а в 2013 г. стал председателем Национальной сети РФ Глобального договора. С 2009 г. банк публикует нефинансовую отчетность в соответствии с международным стандартом GRI. Банк также первым из российских компаний в 2013 г. стал участником UNEP FI, а с 2016 г. — «Исследовательской группы по зеленым финансам». В 2015 г. ВЭБ завершил реализацию «Стратегии корпоративной социальной ответственности на 2012–2015 гг.», направленной на интеграцию в деятельность банка лучших мировых практик в области КСО и УР. В настоящее время эта работа продолжается в соответствии с целями

и задачами, зафиксированными в «Дорожной карте Внешэкономбанка по устойчивому развитию» (декабрь 2015 г.).

Микрофинансовые организации. В области развития кредитных кооперативов и микрофинансовых организаций, традиционно относимых зарубежными исследователями к группе устойчивых (социальных) финансовых институтов, ситуация складывается значительно хуже. Практически с первых шагов развитие микрофинансовых услуг в России сопровождается рядом негативных явлений и тенденций. Так, массовый характер приобрели жалобы на попустительство чрезмерной задолженности, непрозрачность информации об условиях контрактов и санкциях в случае просрочки, чрезмерную высоту процентных ставок, агрессивность рекламы и практики взыскания задолженности. При этом изменяется сам характер деятельности организаций, поскольку «большинство МФО не обеспечивают микрофинансирование в традиционном смысле, а скорее предоставляют необеспеченные краткосрочные кредиты с процентами ставками на уровне 2 % в день без надлежащей оценки кредитоспособности» [Financial Sector Assessment..., 2016, p. 27]. Такая социально-экономическая дисфункциональность российских МФО означает наличие в их деятельности феномена «смещения миссии» (англ. *mission drift*). Данный термин появился в начале XXI в. для обозначения отклонения исходных целевых установок деятельности МФО, их отхода от обслуживания бедного населения и «сдвига» в более выгодные секторы финансового рынка [Christen, 2001]. В России данный феномен особенно ярко проявляется в деятельности МФО, специализирующихся на выдаче «займов до зарплаты».

На этом фоне тревогу вызывает развитие кредитной кооперации. Во-первых, ее доля в финансовой системе страны остается крайне низкой. На сегодняшний день кредитные потребительские кооперативы (КПК) объединяют всего около 1,1 % взрослого населения страны (в кредитных организациях имеют счета около 75 % населения) и располагают совокупными активами в размере около 104,5 млрд руб. (менее 0,12 % активов кредитных организаций) [Развитие кредитной кооперации..., 2017, с. 3]. При этом количество кредитных кооперативов и число их членов постепенно снижаются. Во-вторых, в деятельности значительной части КПК нарушаются исходные принципы общности (профессиональной, территориальной, социальной и иной), предполагающие взаимную ответственность членов и их участие в управлении, что может обеспечить устойчивость этих финансовых организаций. При отсутствии четкой правовой регламентации такая «размытость принципов» ведет к потере их кооперативной идентичности и необходимости усиления регулирования и надзора.

В целом современный российский сектор МФО требует серьезных изменений, назрела необходимость перезапуска бизнеса этих институтов, переориентации их бизнес-модели на социально ответственную деятельность [Солодухина, 2015, с. 147]. Этому должны способствовать выполнение требований Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)” и Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”», которые существенно ограничивают с 1 июля 2019 г. предельную задолженность заемщика по договору потребительского кредита (займа) сроком до 1 года (до двукратной суммы) и ежедневную процентную ставку (до 1 % в день).

Коммерческие банки. О степени вовлеченности российских банков в проблематику УР можно судить по динамике и структуре корпоративной нефинансовой отчетности.

По данным на 15 октября 2018 г., в Национальный регистр нефинансовых отчетов (Российский Союз промышленников и предпринимателей — РСПП), являющийся библиотекой нефинансовых отчетов, добровольно размещенных организациями, действующими на территории РФ, внесены отчеты 18 финансовых и страховых компаний за период с 2003 по 2017 г. Всего реестр содержит 94 отчета финансовых и страховых организаций, в том числе: социальные отчеты (СО) — 65, отчеты в области устойчивого развития (ОУР) — 22, интегрированные отчеты (ИО) — 73. За указанный период лишь 7 российских банков разместили нефинансовые отчеты (Альфа-банк — 15 СО; ФИА-Банк — 11 СО; ФК «Уралсиб» — 4 СО, 3 ОУР, 2 ИО; Банк ВТБ — 10 СО; Внешэкономбанк — 9 СО; Сбербанк России — 6 СО, 2 ИО; Банк «Центр-Инвест» — 2 ИО) [Национальный регистр..., 2018].

Представленные отчеты свидетельствуют о том, что в РФ сформировалась группа банков-лидеров, которые интегрируют принципы КСО и УР в основную деятельность и корпоративные стратегии на регулярной основе, выстраивая их с ориентацией на «Цели устойчивого развития ООН 2030» (ЦУР-2030). Так, Сбербанк РФ публикует социальные отчеты с 2010 г., а в 2016 г. выпустил интегральный отчет. В январе 2012 г. Правление утвердило «Политику в области корпоративной социальной ответственности ОАО «Сбербанк России». КСО банка в документе трактуется как «совокупность принципов и обязательств, которыми банк руководствуется при осуществлении своей деятельности, в части управления взаимоотношениями с заинтересованными сторонами, оценки и управления воздействием на национальную экономику, социальную сферу и экологию» [Политика в области..., 2012, с. 4]. В 2017 г. банк вошел в состав топ-20 лидеров бизнеса по индексам РСПП «Вектор устойчивого развития» и «Ответственность и открытость». В последние годы банк стремится запустить в качестве пилотного продукта зеленые облигации для финансирования проектов, связанных с решением экологических проблем. Конкурентом Сбербанка в достижении лидерства в области УР является ВТБ. В 2009 г. он стал первым российским государственным банком, публикующим социальный отчет. В 2013 г. им был выпущен первый социальный отчет группы ВТБ, прошедший процедуру независимой проверки. В 2012 г. банк утвердил и опубликовал «Политику ОАО «Банк ВТБ» в области корпоративной социальной ответственности», а в июне 2017 г. Наблюдательный совет банка утвердил новую редакцию «Этического кодекса Банка ВТБ».

В качестве примера деятельности частного банка в области УР следует назвать ростовский банк «Центр-Инвест», реализующий модель устойчивого банковского бизнеса с приоритетом обслуживания предприятий малого и среднего бизнеса, предусматривающую экологическую, социальную ответственность и операционную эффективность управления региональными рисками, на базе современных технологий. Банк на практике реализовал концепцию устойчивого банковского бизнеса, которая предполагает: соблюдение экологических требований международных финансовых институтов (акционеров и партнеров банка); финансирование проектов энергоэффективности, модернизации малых предприятий агробизнеса, в результате которых эффективность бизнес-процессов увеличивается в 3–5 раз; повышение эффективности операционных процессов банка на основе лучшей мировой практики за счет прозрачных процедур корпоративного управления, эффектив-

ного управления рисками и современных информационных технологий; формирования новой корпоративной культуры и т.п. Работа по последовательной интеграции принципов УР в стратегические решения и операционную деятельность в течение уже более 10 лет позволила банку достичь значительных успехов, отмеченных рядом престижных наград: в 2007 г. он первым из российских банков стал финалистом и серебряным призером конкурса FT Sustainable Banking Awards в номинации Sustainable Banker of the Year; в 2013 г. — призером конкурса FT/IFC Sustainable Finance Awards 2013: Special Commendation for Leadership in Eastern Europe и провел международную конференцию Sustainable banking business model. В 2012 г. банк опубликовал первый интегральный отчет.

Анализ нефинансовой отчетности банков позволяет сделать вывод о том, что в целом банки придерживаются триединого подхода, осуществляя деятельность в области КСО и УР и оценивая ее результативность в трех сферах (экономической, экологической и социальной). Все больше внимания уделяется ими управленческим аспектам УР. Вместе с тем наблюдается высокая вариативность подходов к трактовке УР, которых придерживаются банки на практике, а также не всегда обоснованная подмена риторики и отчетности в области КСО риторикой и отчетностью по УР. Переход российских банков к модели устойчивого банкинга идет неоправданно медленно, они заметно отстают от своих зарубежных конкурентов. Сказанное свидетельствует о незавершенности процесса формирования в банковском сообществе общепринятой системы взглядов как на УР в целом, так и на устойчивый банкинг в частности.

Это означает, что российская банковская система находится лишь в самом начале трансформации в направлении превращения в устойчивую структуру, обеспечивающую финансовые потребности УР. Данное положение, как представляется, обусловлено рядом проблем, не только снижающих текущую финансовую устойчивость российских банков, но и оказывающих негативное влияние на перспективы ее дальнейшего развития. Эти проблемы вызваны фундаментальными особенностями российской экономики: сырьевым характером, сильной зависимостью от внешнего финансирования и конъюнктуры мирового рынка, неустойчивостью бюджетной системы, зависящей от экспортных поступлений, и т.д. Они определяют слабость национальной банковской системы, которая, как показали кризисные события 2008–2009 гг., к тому же «проводит проциклическую политику, усиливая импульс, поступающий с мировых рынков углеводородов» [Лякин, 2018, с. 18]. Спад экономики в 2014–2016 гг. еще раз продемонстрировал эту негативную зависимость, а сопровождающие его девальвация рубля и сокращение доступности кредита для реального сектора породили ряд чисто банковских проблем, негативно сказывающихся на финансовой устойчивости банков, к которым следует отнести: 1) переток банковских ресурсов в спекулятивные операции; 2) низкий уровень спроса на кредиты со стороны юридических лиц; 3) нестабильность доходов многих банков и попытки выхода в тень для сохранения доходности бизнеса; 4) повышение монополизации и огосударствление банковской системы, снижающие конкуренцию; 5) низкий уровень капитализации банковской системы. Говоря об иных аспектах экономического роста, нужно отметить общее снижение привлекательности банкинга как вида бизнеса и все меньшее участие банков в развитии реальной экономики.

В этих условиях социальные и экологические проблемы развития были вытеснены на периферию внимания даже тех банков, которые доказали в кризисные годы свою финансовую устойчивость. Анализ нефинансовых отчетов большинства банков наглядно демонстрирует это. Однако наметившееся снижение кредитных ставок и оживление экономики, а также меры ЦБ РФ по укреплению банковской системы вселяют определенный оптимизм и открывают «окно» возможностей для начала работы по перезапуску национальной банковской системы на основе принципов УР.

Стратегические инициативы Банка России. Вместе с тем эта работа пока еще не рассматривается финансовыми властями России в качестве приоритетной. Подтверждением этого служат принятые Банком России стратегические документы «Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2016–2018 годов» и «Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов».

В обеих стратегиях превалирует проблематика обеспечения финансовой стабильности. Действительно, в первом документе подчеркивается, что реализация приоритетных целей развития финансового рынка (повышение уровня и качества жизни граждан РФ, содействие экономическому росту и создание условий для роста финансовой индустрии) «возможна при условии обеспечения стабильности его функционирования. Стабильность финансового рынка РФ выражается в бесперебойной реализации финансовой системой своих функций, а также минимизации негативного влияния шоков на экономику» [Основные направления развития..., 2016, с. 4]. В новом документе это положение сохранено с той лишь разницей, что здесь речь идет о «поддержании финансовой стабильности». Данная стратегическая установка отражает тот факт, что в качестве первоочередных мер ЦБ РФ продолжает осуществлять «очистку» банковской системы от нечистоплотных и слабых игроков, борьбу с недобросовестной практикой МФО.

Вне поля зрения ЦБ РФ оказались вопросы финансирования экологических проектов и ответственного инвестирования. Указом Президента РФ от 5 января 2016 г. 2017 г. был объявлен Годом экологии, однако в первом из отмеченных документов эта проблематика даже не упомянута, а во втором речь идет лишь о том, что «России предстоит подключиться к глобальному процессу и проработать вопрос формирования национальной системы финансовых инструментов устойчивого развития» [Основные направления развития..., 2018, с. 26]. Ничего не сказано в документе и о создании в РФ специализированного государственного зеленого банка, концепция которого в 2017 г. была создана рабочей группой по экологии и природопользованию Экспертного совета при Правительстве РФ (подготовлена в рамках исполнения перечня поручений Президента РФ по итогам заседания Госсовета РФ 27 декабря 2016 г. в части создания в России системы зеленого финансирования) [Концепция создания..., 2017]. Таким образом, российский регулятор существенно отстает от финансовых властей не только развитых, но и развивающихся стран в решении назревших задач по трансформации национальных финансовых систем в направлении УР, стимулировании повышения заинтересованности банков в реализации модели устойчивого банкинга.

В целом же усилия по внедрению пропорционального регулирования, очистке финансовой системы и связанные с ней существенные затраты (по оценке агентства Fitch, Россия только в 2013–2017 гг. направила на это 2,7 трлн руб.)

были и остаются абсолютно необходимыми как закономерная реакция на отток капитала, сокращение объемов внешнего заимствования и капитала банков, общее снижение темпов экономического роста. Однако российская экономика постепенно восстанавливается, идут процессы импортозамещения и структурной перестройки. В банковской системе сформировалось устойчивое ядро, состоящее из банков, сохранивших и даже усиливших свои рыночные позиции, успешно осваивающие цифровые технологии и обладающие ресурсами для увеличения капитала. Это позволяет говорить о том, что этап стабилизации банковской системы близится к своему завершению. В связи с этим усилия ЦБ, государственных и частных банков, их профессиональных объединений должны быть переориентированы на внедрение новых бизнес-моделей, разработку и реализацию стратегий УР, формирование финансовой системы, способной отвечать запросам низкоуглеродной, ресурсоэффективной, циркуляционной экономики, инклюзивного экономического роста. Сложность данной задачи требует активизации всех драйверов устойчивого финансирования, призванных стимулировать координацию целенаправленных усилий всех заинтересованных сторон. Без этого, как представляется, невозможна реализация стратегической цели по «достижению уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу страны как ведущей мировой экономической державы, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции...» [Основные направления развития..., 2016, с. 5].

Заключение

В настоящее время все более широкое признание получает точка зрения, в соответствии с которой устойчивое (ответственное) финансирование выступает одним из ключевых драйверов устойчивого развития, вектором и основой развития современной финансовой системы, которая должна быть в большей степени привязана к запросам реальной экономики и содействовать УР. В определяющей степени это касается банковского бизнеса и развития банковской системы в целом.

Практическая реализация принципов устойчивого развития в этой сфере осуществляется по нескольким линиям: широкое вовлечение банков (институтов) развития в решение экологических и социальных задач при финансировании масштабных инфраструктурных проектов; активизация деятельности центральных банков стран по внедрению принципов устойчивого банкинга в практику банков; принятие добровольных социальных и экологических обязательств ведущими банками и финансовыми институтами, внедряющими бизнес-модели устойчивого банкинга; расширение деятельности устойчивых банков (социальных, солидарных, ответственных, этических, зеленых, «основанных на ценностях», альтернативных); создание профессиональных ассоциаций и научно-образовательных структур в сфере устойчивых финансов.

В процессе формирования и развития практики устойчивого банкинга можно выделить ряд этапов и соответствующих им направлений: *экологическое, социальное, ответственно-инвестиционное и зеленое*, в рамках которых банки разрабатывают и реализуют релевантные стратегии, политики, продукты, технологии, процедуры и правила. Для этих направлений характерны также образование отдельных

структурных подразделений, подсистем риск-менеджмента и выработка специализированных компетенций. Зарождение зеленого направления по времени совпало с началом сложного процесса трансформации национальных финансовых систем и становления зеленого сектора экономики как глобальных процессов, затронувших практически все страны мира.

Процесс концептуализации устойчивого банкинга в последние годы шел в рамках формирующихся концепций, ассоциируемых с проблематикой КСО и УР и доминирующего в настоящее время триединого подхода к их трактовке. Теоретическое осмысление феномена устойчивого банкинга, практик банков, декларирующих свою приверженность идеям и принципам ответственности, позволило выработать систему релевантных понятий и перейти к формированию целостной системы взглядов на принципы и механизмы устойчивого банкинга. В соответствии с современными подходами к трактовке этого явления *устойчивый банкинг* может быть определен как клиентоориентированный, экологически и социально ответственный, финансово устойчивый бизнес, осуществляемый в рамках особой управленческой модели традиционными и альтернативными банками, иными финансовыми институтами, имеющими различные организационно-правовые формы и управленческие традиции и взаимодействующими на долгосрочное основе с широкой группой заинтересованных сторон в интересах устойчивого развития.

Важным результатом концептуализации устойчивого банкинга является формирование представлений о нем как об особой модели ответственного ведения бизнеса банками и финансовыми институтами по предоставлению услуг для решения финансовых задач УР.

Бизнес-модель устойчивого банкинга основана на реализации принципов УР как организующего и регулирующего начала, определяющего направленность и характер всех внутренних процессов от стратегических решений и корпоративного управления до мер по экономии ресурсов (зеленый офис). Данная модель может быть реализована на практике как традиционными, так и устойчивыми (альтернативными) банками и финансовыми институтами различных организационно-правовых форм. Для первых характерна трехкомпонентная бизнес-модель с акцентом на ответственное кредитование и инвестирование, управление экологическими и социальными рисками, предоставление зеленых продуктов и услуг, реализацию принципов КСО и надлежащего корпоративного управления, практику зеленого офиса. Для вторых — прямая социальная направленность бизнеса, ориентация на расширение финансовой доступности услуг, связь с реальным сектором и экономикой местных сообществ, поддержка малого и микробизнеса, некоммерческих организаций и социальных предпринимателей.

Устойчивые банки являются необходимым структурообразующим элементом формирующейся устойчивой финансовой системы, ориентированной на запросы реальной экономики, инклюзивного экономического роста и достижение целей УР.

В России развитие устойчивого банкинга в целом идет в русле общемировых тенденций, происходит постепенная интеграция принципов УР в стратегии и операционную деятельность банков развития и коммерческих банков. Вместе с тем подавляющее большинство последних в силу ряда объективных и субъективных причин еще весьма далеки от внедрения модели устойчивого банкинга, а формирование сектора так называемых устойчивых (альтернативных) банков осуществля-

ется неоправданно медленно. Также затянулся старт исламских финансовых институтов, имеет место «смещение миссии» у большинства современных российских МФО. Одной из основных причин такого положения является то, что драйверы УР, ключевыми из которых являются национальные политики и инициативы регулятора, в РФ практически не сформированы, а рыночное лидерство и давление стейкхолдеров не приобрело еще достаточных масштабов и интенсивности.

В целях повышения роли российских финансовых институтов в достижении целей УР и обеспечении устойчивого (ответственного) финансирования следует предпринять ряд первоочередных мер: 1) законодательно установить обязательные принципы общности в качестве обязательного условия создания и деятельности КПК, что позволит переориентировать их на удовлетворение финансовых потребностей своих членов (пайщиков), существенно снизить ставки и ограничить риски; 2) обеспечить согласованность действий регулятора, СРО и банков-собственников МФО по обеспечению безусловного исполнения требований федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ в части, касающейся ограничений предельной суммы задолженности заемщика и ежедневной процентной ставки; 3) включить обязательный анализ и оценку экологических и социальных рисков в проблематику регулятивных документов ЦБ РФ, касающихся управления рисками, оценки качества обеспечения и формирования резервов; выработать порядок зеленого рефинансирования и сделать его приоритетным инструментом ДКП; 4) ведущим государственным финансовым институтам в лице Внешэкономбанка как оператора и банкам — участникам «Фабрики проектного финансирования» (Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Евразийскому банку развития, Международному инвестиционному банку) начиная с 2019 г. в качестве обязательного условия предоставления синдицированных кредитов по проектам с экологическими рисками установить требование использования наилучших доступных технологий (НДТ); целесообразно также провести через советы директоров данных банков решения об их присоединении к обязательствам по УР, сформулированным в Принципах Экватора; 5) в целях выполнения поручений Президента РФ по вопросам экологического развития следует (через представителей государства в Национальном финансовом совете Банка России) обеспечить запуск механизма эмиссии и обращения зеленых облигаций в качестве особого инструмента финансирования проектов по НДТ, для этого целесообразно ускорить разработку национального стандарта для зеленых облигаций и внести изменения в существующую систему рефинансирования банков; 6) необходимо ускорить работу по созданию зеленого банка развития (его проект создан рабочей группой по экологии и природопользованию Экспертного совета при Правительстве РФ в 2017 г. при участии Внешэкономбанка).

Многие из этих мер хорошо проработаны специалистами и имеют реальную перспективу успешной реализации, что позволяет надеяться на масштабное развитие устойчивого банкинга в РФ. Их реализация должна быть дополнена развертыванием экспертной работы, результатом которой должна стать проработка практических вопросов *перехода от политики финансовой стабильности к стратегии устойчивого развития отечественной финансовой системы*, направленной на изменение режима регулирования и обеспечивающей: рост капитала и долгосрочной ресурсной базы банков; развитие конкуренции; расширение доступности финансовых услуг; защиту финансовой системы от рисков, связанных с экологией;

мобилизацию частного капитала для устойчивого инвестирования и финансирования. Разработка данной стратегии предполагает внесение соответствующих изменений в концепцию «Основных направлений развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов». Данный документ нужно дополнить дорожной картой, основные параметры которой должны соответствовать современным подходам в области стратегического планирования и программирования развития финансовых систем ведущих стран. Таким образом может стать «План действий по финансированию устойчивого роста», принятый 8 марта 2018 г. Европейской комиссией [Action Plan..., 2018].

Литература

- Концепция создания «зеленого» банка в России. Рабочая группа по экологии и природопользованию Экспертного совета при Правительстве РФ. (2017). М. 50 с.
- Лякин А. Н. (2018) Три кризиса по одному сценарию. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия Экономика. Т. 34. Вып. 1. С. 4–25.
- Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов. (2018) М.: РСПП. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/157> (дата обращения: 05.03.2019).
- Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2016–2018 годов. (2016) М.: Центральный банк Российской Федерации. 75 с.
- Основные направления развития финансового рынка РФ на период 2019–2021 годов. (2018) М.: Центральный банк Российской Федерации. 61 с.
- Политика в области корпоративной социальной ответственности ОАО «Сбербанк России». (2012) 18 с. URL: <http://www.sberbank.com/ru/responsibility/our-approach> (дата обращения: 05.03.2019).
- Развитие кредитной кооперации. Доклад для общественных консультаций. Центральный банк Российской Федерации. (2017) URL: http://www.cbr.ru/analytics/ppc/Consultation_Paper_171003_01.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Солодухина А. В. (2015) Микрофинансовый рынок в России: институциональные провалы в сегменте «займы до зарплаты» и задачи мегарегулятора. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия Менеджмент. Вып. 4. С. 115–151.
- Эффективность экономики, экологические инновации, климатическая и энергетическая политика. (2016) Сб. ст. Под ред. Н. В. Пахомовой, К. К. Рихтера. СПб.: Скифия-принт, 2016. 232 с.
- Action Plan: *Financing Sustainable Growth*. European Commission. 8.3.2018 COM(2018) 97 final. Brussels, 2018. 20 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018DC0097&from=EN> (дата обращения: 05.03.2019).
- Banking on Sustainability. *Financing Environmental and Social Opportunities in Emerging Markets*. Washington, DC., International Finance Corporation. (2007) 120 p. URL: <https://firstforsustainability.org/media/IFC%20Banking%20on%20Sustainability.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
- Change the World list 2017. How Fortune's 'Change the World' Companies Turn Doing Good Into Good Business. URL: <http://fortune.com/2017/09/07/change-the-world-money/> (дата обращения: 05.03.2019).
- Christen R. P. (2001) Commercialization and Mission Drift: The Transformation of Microfinance in Latin America. *Occasional Paper*, no. 5, January. Washington, DC: Consultative Group to Assist the Poorest (CGAP). 75 p.
- Elkington J. (1997). *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business*. Oxford: Capstone Publishing Ltd. 402 p.
- Exploring Green Finance Incentives in China. *Final Report*. PricewaterhouseCoopers Consultants (Shenzhen) Limited. (2013) 71 p. URL: <https://www.pwchk.com/en/migration/pdf/green-finance-incentives-oct2013-eng.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
- Financial Sector Assessment: Russian Federation. July 2016. World Bank, International Monetary Fund. Washington, DC. (2016) 43 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/936001472672149654/pdf/Russian-Federation-FSA-07272016.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
- Financing A. *European Economy. High-Level Expert Group on Sustainable Finance. Interim Report*. July 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/170713-sustainable-finance-report_en.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

- Financing A European Economy. Final report of the High-Level Expert Group on Sustainable Finance.* January, 2018. 100 p. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/180131-sustainable-finance-final-report_en.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Global 100. The results for the 2017 Global 100 Most Sustainable Corporations in the World index.* (2017) URL: <https://www.corporateknights.com/reports/2017-global-100/2017-global-100-results-14846083/> (дата обращения: 05.03.2019).
- Green Finance Progress Report. The Inquiry into the Design of a Sustainable Financial System.* Geneva. July, 2017. 32 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/07/Green_Finance_Progress_Report_2017.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Islamic Finance Outlook 2017 Edition. Standard & Poor's Financial Services LLC.* (2016) 66 p. URL: <https://www.spratings.com/documents/20184/0/Islamic+Finance+Outlook+2017/5abbe572-c826-4622-bd13-1aba725281fc> (дата обращения: 05.03.2019).
- Jeucken M. (2004) *Sustainability in Finance: Banking on the Planet.* Delft, Eburon Publishers. 432 p.
- Jeucken M. (2001) *Sustainable Financing and Banking: The Financial Sector and the Future of the Planet.* London: Earthscan Publication Ltd. 336 p.
- Kanaev A., Kanaeva O., Belousov K. (2018) *Transition to the Sustainable Development Model: the Practice of Russian Companies.* In: *New Challenges of Economic and Business Development — 2018. International conference proceedings.* Riga, University of Latvia, pp.302–313.
- Liu X., Liu B., Shishime T., Yu Q., Bi J., Fujitsuka T. (2010) An empirical study on the driving mechanism of proactive corporate environmental management in China. *Journal of Environmental Management*, vol.91, no.8, pp.1707–1717.
- Lu Y., Abeysekera I. (2014) Stakeholders' power, corporate characteristics, and social and environmental disclosure: evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, vol.64, no.1, pp.426–436.
- Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. (1972) *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* New York, NY Universe Book. 205 p.
- Mesarovic M., Pestel E. (1974) *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome.* New York, NY: E. P. Dutton and Co. Inc. 125 p.
- Microfinance Barometer.* (2017) 16 p. URL: http://www.convergences.org/wp-content/uploads/2017/09/BMF_2017_EN_FINAL-2.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Pure Profit for Russia: Benefits of Responsible Finance. WWF's Trade and Investment Programme report.* Moscow, Frankfurt a.M., Johannesburg; WWF, 2010. 236 p.
- Real Economy — Real Returns: The Business Case for Values-based Banking. Research on Performance through Yearend.* (2016) 1 December 2017. Global Alliance for Banking on Values. 16 p. URL: <http://www.gabv.org/wp-content/uploads/2017-Research-Report.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
- Roadmap for a Sustainable Financial System. UNEP Inquiry-World Bank Group. November 2017. 104 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/11/Roadmap_for_a_Sustainable_Financial_System.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Schmidheiny S. (1992) *Changing Course: A Global Perspective on Development and the Environment.* Cambridge, MA: MIT Press. 375 p.
- Sustainable Banking Network. Briefing (April 2018) URL: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/a3820a79-8b43-40b6-b93b-322d5bf3237d/SBN_Brief.pdf?MOD=AJPERES (дата обращения: 05.03.2019).
- Sustainable Banking with the Poor: A Worldwide Inventory of Microfinance Institutions. Washington, DC. World Bank. July, 1996. 74 p. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/1999/08/15/000094946_99040905052282/Rendered/PDF/multi_page.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- Sustainable Banking. (2001) *The Greening of Finance.* Ed. by Bouma J.J., Jeucken M., Klinkers L. Sheffield. Greenleaf: Publishing Ltd. 80 p.
- Tan L. H., Chew B. C., Hamid S. R. (2017) A holistic perspective on sustainable banking operating system drivers: A case study of Maybank group. *Qualitative Research in Financial Markets*, vol.9, iss.3, pp.240–262.
- Teece D. J. (2010) Business Models, Business Strategy and Innovation. *Long Range Planning*, no. 43, pp.172–194.
- The Collevocchio Declaration. January, 2003. 4 p. URL: http://www.banktrack.org/download/collevocchio_declaration_2/0_030401_collevocchio_declaration.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Insight Report.* Geneva, *World Economic Forum.* (2019) URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 05.03.2019).
- The Guide to Banking and Sustainability.* 2nd ed. UNEP FI Banking Commission Board. United Nations Environment Programme, October, 2016. 47 p. URL: <http://www.unepfi.org/wordpress/wp-content/>

uploads/2017/06/CONSOLIDATED-BANKING-GUIDE-MAY-17-WEB.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

UNEP FI Guide to Banking & Sustainability. *Understanding and Implementing Sustainability in your Bank based on the UNEP Statement of Commitment by Financial Institutions on Sustainable Development. United Nations Environment Programme. Geneva, Switzerland.* (2011) 37 p. URL: http://www.unepfi.org/fileadmin/documents/guide_banking_statements.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

UNEP Inquiry Report. *The Financial System We Need: Aligning the financial system with sustainable development.* October, 2015. Geneva. UNEP. 113 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2015/11/The_Financial_stSyem_We_Need_EN.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

UNEP Inquiry Report. *The Financial System We Need: from Momentum to Transformation.* October, 2016. Inquiry: Design of a Sustainable Financial System. Geneva. UNEP. 140 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/The_Financial_System_We_Need_From_Momentum_to_Transformation.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Weber O., Remer S. (2011) *Social Banks and the Future of Sustainable Finance.* London, UK: Routledge. 238 p.

Swiss Sustainable Finance. Glossary. Sustainable Finance. (2019) URL: http://www.sustainablefinance.ch/en/glossary-_content---1--3077.html (дата обращения: 05.03.2019).

World Council of Credit Unions. Our Global Reach. (2017) URL: http://www.woccu.org/impact/global_reach (дата обращения: 05.03.2019).

Статья поступила в редакцию 14.05.2019
Статья рекомендована в печать 25.06.2019

Контактная информация:

Канаев Александр Владимирович — д-р экон. наук, доц.; a.kanaev@spbu.ru
Канаева Ольга Алексеевна — канд. экон. наук, доц.; o.kanaeva@spbu.ru

Sustainable banking: conceptualization and implementation practice

A. V. Kanaev, O. A. Kanaeva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kanaev, A. V., Kanaeva, O. A. (2019) Sustainable banking: conceptualization and implementation practice. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 35, issue 3, pp. 448–479. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.306> (In Russian)

The article explores the actively developing and little-investigated phenomenon of a modern financial system termed “sustainable banking.” The relevance of the study is due to a number of circumstances: first, awareness of the growing importance of sustainable (responsible) financing as key driver of sustainable development for solving large-scale economic, social, and environmental problems; second, the lack of a generally accepted holistic system of views on sustainable banking, the content of relevant concepts, which indicates that its conceptualization is incomplete; third, scholarly and public interest in foreign banks’ modern practices of sustainable development, which opens up broad opportunities for Russian banks to use their experience. This article determines the direction of sustainable banking, reveals the content of its conceptualization, and identifies features of the formation of this phenomenon in Russia. By sustainable banking, the authors understand processes of theoretical comprehension and generalization of the practice of banks that declare a commitment to ideas of sustainable

development, leading to the formation of ideas about this phenomenon and formation of a relevant system of concepts. The article describes current approaches to sustainable banking; shows the most important international initiatives for incorporating ideas and principles of sustainable development into activities of financial institutions, as well as practical steps taken by various financial institutions (development banks, traditional banks and so-called non-traditional banks, known as sustainable banks) for integrating principles of sustainable development into strategies and bank operations. The authors conclude that this integration and the development of sustainable banks allows us to speak of the formation of a special business model of responsible business conduct — a sustainable banking model. A separate section is devoted to an analysis of the situation in the area in question and identification of measures to enhance the role of banks in ensuring responsible financing in Russia.

Keywords: development banks, “green” banking, inclusive growth, Islamic banks, responsible finance, responsible investments, risk management, project financing, sustainable development, sustainable banking, sustainable finance.

References

- Economic efficiency, environmental innovation, climate and energy policy* (2016). Sb. statey pod red. N. V. Pakhomovoy, K. K. Rikhtera. St Petersburg, Skifiya-print Publ. 232 p. (In Russian)
- The concept of creating a “green” bank in Russia. Working group on ecology and environmental management of the Expert Council under the Government of the Russian Federation/* (2017) Moscow. 50 p. (In Russian)
- Lyakin A. N. (2018) Three crises in one scenario. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 34, iss. 1, pp. 4–25. (In Russian)
- National Register and Library of Corporate Non-Financial Reports.* (2018) Moscow, RSPP. URL: <http://www.rspp.ru/simplepage/157> (accessed: 05.03.2019). (In Russian)
- The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for the period 2016–2018.* (2016) Moscow, Central Bank of the Russian Federation. 75 p. (In Russian)
- The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for the period 2019–2021.* (2018) Moscow, Central Bank of the Russian Federation. 61 p. (In Russian)
- Corporate social responsibility policy of Sberbank of Russia.* 18 p. URL: <http://www.sberbank.com/ru/responsibility/our-approach> (accessed: 05.03.2019). (In Russian)
- The development of credit cooperation. Report for public consultation. Central Bank of the Russian Federation.* 31 p. URL: http://www.cbr.ru/analytics/ppc/Consultation_Paper_171003_01.pdf (accessed: 05.03.2019). (In Russian)
- Solodukhina A. V. (2015) The Russian payday lending market: institutional failures and the mega-regulator objectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, iss. 4, pp. 115–151. (In Russian)
- Action Plan: Financing Sustainable Growth. European Commission.* 8.3.2018 COM (2018) 97 final. Brussels. 20 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018DC0097&from=EN> (accessed: 05.03.2019).
- Banking on Sustainability. Financing Environmental and Social Opportunities in Emerging Markets.* Washington, DC., International Finance Corporation. (2007) 120 p. URL: <https://firstforsustainability.org/media/IFC%20Banking%20on%20Sustainability.pdf> (accessed: 05.03.2019).
- Change the World list 2017. How Fortune’s ‘Change the World’ Companies Turn Doing Good Into Good Business.* URL: <http://fortune.com/2017/09/07/change-the-world-money/> (accessed: 05.03.2019).
- Christen R. P. (2001) Commercialization and Mission Drift: The Transformation of Microfinance in Latin America. *Occasional Paper*, no. 5, January. Washington, DC, Consultative Group to Assist the Poorest (CGAP). 75 p.
- Elkington J. (1997) *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business.* Oxford, Capstone Publishing Ltd. 402 p.
- Exploring Green Finance Incentives in China. Final Report. PricewaterhouseCoopers Consultants (Shenzhen) Limited.* (2013) 71 p. URL: <https://www.pwchk.com/en/migration/pdf/green-finance-incentives-oct2013-eng.pdf> (accessed: 05.03.2019).
- Financial Sector Assessment: Russian Federation. July, 2016. World Bank, International Monetary Fund.* Washington, DC. (2016) 43 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/936001472672149654/pdf/Russian-Federation-FSA-07272016.pdf> (accessed: 05.03.2019).

- Financing a European Economy. High-Level Expert Group on Sustainable Finance. Interim Report.* July, 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/170713-sustainable-finance-report_en.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Financing a European Economy. Final report of the High-Level Expert Group on Sustainable Finance.* January, 2018. 100 p. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/180131-sustainable-finance-final-report_en.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Global 100. The results for the 2017 Global 100 Most Sustainable Corporations in the World index.* (2017) URL: <https://www.corporateknights.com/reports/2017-global-100/2017-global-100-results-14846083/> (accessed: 05.03.2019).
- Green Finance Progress Report. The Inquiry into the Design of a Sustainable Financial System.* Geneva. July, 2017. 32 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/07/Green_Finance_Progress_Report_2017.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Islamic Finance Outlook 2017 Edition. Standard & Poor's Financial Services LLC.* (2016) 66 p. URL: <https://www.spratings.com/documents/20184/0/Islamic+Finance+Outlook+2017/5abbe572-c826-4622-bd13-1aba725281fc> (accessed: 05.03.2019).
- Jeucken M. (2004) *Sustainability in Finance: Banking on the Planet.* Delft, Eburon Publishers. 432 p.
- Jeucken M. (2001) *Sustainable Financing and Banking: The Financial Sector and the Future of the Planet.* London, Earthscan Publication Ltd. 336 p.
- Kanaev A., Kanaeva O., Belousov K. (2018) *Transition to the Sustainable Development Model: the Practice of Russian Companies. New Challenges of Economic and Business Development — 2018. International conference proceedings.* Riga, University of Latvia, pp. 302–313.
- Liu X., Liu B., Shishime T., Yu Q., Bi J., Fujitsuka T. (2010) An empirical study on the driving mechanism of proactive corporate environmental management in China. *Journal of Environmental Management*, vol. 91, no. 8, pp. 1707–1717.
- Lu Y., Abeysekera I. (2014) Stakeholders' power, corporate characteristics, and social and environmental disclosure: evidence from China. *Journal of Cleaner Production*, vol. 64, no. 1, pp. 426–436.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. (1972) *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* New York, NY Universe Book. 205 p.
- Mesarovic M., Pestel E. (1974) *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome.* New York, E. P. Dutton and Co. Inc. 125 p.
- Microfinance Barometer.* (2017) 16 p. URL: http://www.convergences.org/wp-content/uploads/2017/09/BMF_2017_EN_FINAL-2.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Pure Profit for Russia: Benefits of Responsible Finance. WWF's Trade and Investment Programme report.* (2010) Moscow, Frankfurt a.M., Johannesburg, WWF, 2010. 236 p.
- Real Economy — Real Returns: The Business Case for Values-based Banking. Research on Performance through Yearend 2016.* 1 December, 2017. Global Alliance for Banking on Values. 16 p. URL: <http://www.gabv.org/wp-content/uploads/2017-Research-Report.pdf> (accessed: 05.03.2019).
- Roadmap for a Sustainable Financial System. UNEP Inquiry-World Bank Group.* November, 2017. 104 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/11/Roadmap_for_a_Sustainable_Financial_System.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Schmidheiny S. (1992) *Changing Course: A Global Perspective on Development and the Environment.* Cambridge, MA: MIT Press. 375 p.
- Sustainable Banking Network. Briefing* (April, 2018). URL: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/a3820a79-8b43-40b6-b93b-322d5bf3237d/SBN_Brief.pdf?MOD=AJPERES (accessed: 05.03.2019).
- Sustainable Banking with the Poor: A Worldwide Inventory of Microfinance Institutions.* (1996) Washington, DC. World Bank. July, 1996. 74 p. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/1999/08/15/000094946_99040905052282/Rendered/PDF/multi_page.pdf (accessed: 05.03.2019).
- Sustainable Banking. The Greening of Finance.* (2001) Ed. by Bouma J. J., Jeucken M., Klinkers L. Sheffield. Greenleaf, Publishing Ltd. 80 p.
- Tan L. H., Chew B. C., Hamid S. R. (2017) A holistic perspective on sustainable banking operating system drivers: A case study of Maybank group. *Qualitative Research in Financial Markets*, vol. 9, iss. 3, pp. 240–262.
- Teece D. J. (2010) Business Models, Business Strategy and Innovation. *Long Range Planning*, no. 43, pp. 172–194.
- The Collevocchio Declaration. January, 2003. 4 p. URL: http://www.banktrack.org/download/collevocchio_declaration_2/0_030401_collevocchio_declaration.pdf (accessed: 05.03.2019).

- The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Insight Report. Geneva, World Economic Forum. (2019) URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (accessed: 05.03.2019).*
- The Guide to Banking and Sustainability. 2nd ed. UNEP FI Banking Commission Board. United Nations Environment Programme. October, 2016. 47 p. URL: <http://www.unepfi.org/wordpress/wp-content/uploads/2017/06/CONSOLIDATED-BANKING-GUIDE-MAY-17-WEB.pdf> (accessed: 05.03.2019).*
- UNEP FI Guide to Banking & Sustainability. Understanding and Implementing Sustainability in your Bank based on the UNEP Statement of Commitment by Financial Institutions on Sustainable Development. United Nations Environment Programme. Geneva, Switzerland. 2011. 37 p. URL: http://www.unepfi.org/fileadmin/documents/guide_banking_statements.pdf (accessed: 05.03.2019).*
- UNEP Inquiry Report. The Financial System We Need: Aligning the financial system with sustainable development. October, 2015. Geneva. UNEP. 113 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2015/11/The_Financial_System_We_Need_EN.pdf (accessed: 05.03.2019).*
- UNEP Inquiry Report. The Financial System We Need: from Momentum to Transformation. October, 2016. Inquiry: Design of a Sustainable Financial System. Geneva. UNEP. 140 p. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/The_Financial_System_We_Need_From_Momentum_to_Transformation.pdf (accessed: 05.03.2019).*
- Weber O., Remer S. (2011) *Social Banks and the Future of Sustainable Finance*. London, UK, Routledge. 238 p.
- Swiss Sustainable Finance. Glossary. Sustainable Finance. (2019) URL: http://www.sustainablefinance.ch/en/glossary-_content---1--3077.html (accessed: 05.03.2019).*
- World Council of Credit Unions. Our Global Reach. (2017) URL: http://www.woccu.org/impact/global_reach (accessed: 05.03.2019).*

Received: May 14, 2019
Accepted: June 25, 2019

Authors' information:

Alexander V. Kanaev — Dr. Sci. in Economics, Professor; a.kanaev@spbu.ru

Olga A. Kanaeva — PhD in Economics, Associate Professor; o.kanaeva@spbu.ru